

11/21

ПРЕПРИНТЫ

А. А. Трофимов
А. С. Касьян
И. М. Егоров

**АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА
ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ ПАРАЧИ-ОРМУРИ
И ЕЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ КОРНИ**

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ»
(РАНХиГС)

АКЦЕНТНАЯ СИСТЕМА ИРАНСКИХ ЯЗЫКОВ ПАРАЧИ-ОРМУРИ
И ЕЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ КОРНИ

Научный доклад (препринт)
Лаборатории востоковедения и компаративистики
по материалам отчета НИР
«Составление и анализ списков базисной лексики для языков Евразии и Океании в
контексте междисциплинарных исследований»

А. А. Трофимов
Научно-исследовательская лаборатория востоковедения и компаративистики, Школа
актуальных гуманитарных исследований, ИОН, Старший научный сотрудник,
ORCID 0000-0002-8926-2925, к.ф.н.
atrofimov@ranepa.ru

А.С. Касьян
Научно-исследовательская лаборатория востоковедения и компаративистики Школа
актуальных гуманитарных исследований ИОН, Ведущий научный сотрудник, д.ф.н.,
ORCID 0000-0003-1129-2611, kasyan-als@ranepa.ru

И.М.Егоров
Научно-исследовательская лаборатория востоковедения и компаративистики Школа
актуальных гуманитарных исследований, ИОН, Научный сотрудник, ORCID 0000-
0002-1443-4438, egorov-ilm@ranepa.ru

Аннотация

Предмет. В статье рассматривается система акцентуации в малых иранских языках парачи и ормури и ее связь с засвидетельствованной в афганском языке (пушту).

Цель. Этимологическое описание акцентной системы парачи и ормури.

Актуальность. Важность иранских данных для индоевропейской реконструкции.

Научная новизна. Приводится исторический обзор исследований, в которых устанавливается архаичный характер ударения как для афганского, так и для парачи и ормури, а затем с опорой в первую очередь на исследования В. А. Дыбо и В. А. Ефимова составляется список основных этимологических схождений между этими языками, указывающих на место первоначального праиранского ударения.

Методы. Этимологический, лексикографический.

Результаты. Список показывает, что система акцентуации в ормури и парачи совпадает в деталях на всех уровнях с той, которая была описана для афганского: сохраняются следы баритонезы и окситонезы в двух- и трехсложных именах, в числительных и глаголах; в производных именах наблюдается акцентовка «по контрасту» того же типа, что устанавливается для ведийского языка. Более того, среди рассматриваемых схождений находится целый ряд таких, которые являются эксклюзивными для восточноиранских языков, а в целом лексических и морфологических изоглосс между парачи и ормури и восточноиранскими языками насчитывается еще больше.

Выводы. Два описанных фактора в совокупности указывают, что парачи и ормури, если следовать традиционной классификации, с большей вероятностью состоят в более близком родстве с юго-восточными иранскими языками, прежде всего афганским и, возможно, мунджанским и йидга.

Рекомендации. Желательно собрать новые полевые данные по парачи и ормури.

Ключевые слова. парачи, ормури, афганский язык, иранские языки, акцентуация, акцентная реконструкция, индоевропейские языки.

Коды JEL Classification. Z19

Accentuation of theOrmuri-Parachi languages (Iranian group) and its Indo-European origin

Abstract

Subject. The article examines the system of accentuation of the minor Iranian languages, Parachi and Ormuri, and its connection with the Pashto system.

Purpose. Etymological description of the Parachi and Ormuri accent systems.

Relevance. Importance of Iranian data for Indo-European reconstruction.

Novelty. First, the authors give a historical review of existing studies, which establish the archaic character of accentuation of both Pashto and Parachi-Ormuri, and then, based primarily on the research of V. A. Dybo and V. A. Efimov, a list of lexical etymological connections between these languages is compiled, which allows us to indicate the place of the original Proto-Iranian stress.

Methods. Etymological, lexicographic.

Results. The list shows that the accent system in Ormuri-Parachi languages corresponds in detail to the one described for Pashto: traces of baritonesis and oxytones are preserved in two- and three-syllable nouns, in numerals and verbs; accent in derivative names is placed “by contrast”, of the same type that is established for the Vedic language. Moreover, a number of similarities under consideration are exclusive to Eastern Iranian languages, and in general, there are even more lexical and morphological isoglosses between Parachi and Ormuri and Eastern Iranian languages.

Findings. The two factors described above indicate that Parachi and Ormuri, according to the traditional classification, are more likely to be closely related to the South-Eastern Iranian languages, primarily Pashto and, possibly, Mundjan and Yidga.

Recommendations. It is desirable to collect new field data on Parachi and Ormuri.

Keywords. Parachi, Ormuri, Pashto, Iranian languages, accentuation, accent reconstruction, Indo-European languages.

JEL Classification. Z19

Содержание

1. Введение.....	5
2. Материал и методы	13
2.1. Имена. Barytona.....	13
2.2. Имена. Oxytona.....	21
2.3. Глаголы	32
3. Результаты и выводы	36
Список использованных источников.....	37

1. Введение

Реконструкция праиранского ударения имеет долгую историю. В начале XX в. А. Мейе выдвинул гипотезу, согласно которой в древнеперсидском языке ударение в сущности напоминало ударение классического латинского, когда ударение падало на второй слог от конца в том случае, если он был долгим, и на третий слог от конца, если он был кратким, а в дальнейшем конечные заударные слоги отпали [1]. Данное правило было расширено и применено к другим западноиранским и восточноиранским языкам учеником А. Мейе Р. Готьё [2] и впоследствии поддерживалась в ряде работ Е. Куриловичем [3].

В 1920-е годы важные наблюдения были сделаны относительно истории ударения в осетинском, в предке которого ударение падало на первый слог, если он был сильным (исторически долгий), и на второй от начала слог, если он был слабым, и согдийском, для которого П. Тедеско сформулировал «ритмический закон» [4], в дальнейшем уточненный И. Гершевичем и Симс-Вильямсом и в последнее время Л. Новаком. Он заключается в том, что «в истории согдийского языка важную роль играл фактор тяжелых и легких основ: тяжелые основы, состоящие из слога с долгим гласным или с кратким, но закрытым двумя согласными, а также состоящие из нескольких слогов (длительность гласных в последнем случае нерелевантна), перетягивали на себя ударение, падавшее первоначально на флексию, т. е. на последние слоги; в словах с легкими основами этого не происходило. Необходимо отметить, что время действия данного закона не может относиться к наиболее древней эпохе: согдийский отличается от ягнобского тем, что в нем не действует ритмический закон, и Л. Новак называет это одной из значительных отличительных черт ягнобского по сравнению с согдийским и относит его действие к III этапу развития согдийской системы акцентуации.

Но наиболее интересные результаты были связаны с изучением ряда живых восточноиранских языков, прежде всего афганского.

Как известно, афганский язык отличается от всех других иранских языков характером ударения, которое является силовым и разноместным. Уже в 1942 г. Г. Моргенштерне предположил, что в пушту сохраняются рефлексы более древнего типа акцентуации, напоминающие в общих чертах систему, засвидетельствованную в ведийском языке [5], в том же году В. Хеннинг независимо отметил ряд случаев

сохранения старого индоиранского ударения (идентичного по месту с ведийским) в различных языках западной и восточной групп.

По-настоящему убедительные и проработанные результаты были получены в 70-е гг. XX в. В. А. Дыбо, который в публикации 1974 г. «Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской этимологии» по возможности полно описал именные основы афганского с точки зрения ударения [6]. Исследователь на основании обширного материала пришел к выводу, что все именные основы могут быть поделены на баритонированные и окситонированные и место ударения в них совпадает с местом ведийского и индоевропейского ударения. Это касается и производных основ с суффиксом **-ka*, которые характеризуются ударением «по контрасту», по формулировке автора, «непроизводные с точки зрения современного языка афганские имена на -ау делятся на два акцентных типа: тип А с ударением на корне и тип В с ударением на основообразующем форманте. Сравнение показывает, что в тип А входят главным образом имена, образованные от индоиранских окситонированных основ, в тип В – имена, основанные от индоиранских баритон» [7]. Аналогичным образом были устроены производные в ведийском [6; 7]. Кроме того, для индо-иранской реконструкции именно афганское ударение имеет большое значение также потому, что в ряде случаев древнеиндийское ударение по месту отклоняется от индоиранского и индоевропейского (это касается прежде всего прилагательных и причастий), а афганское сохраняет следы более архаичного индоевропейского ударения [6; 7]. Во второй части этой работы, опубликованной на 15 лет позже, В. А. Дыбо показал, что распределение ударения в системе презенса в афганском также указывает на изначальное различие баритонированных и окситонированных основ и сложную и достаточно стройную систему акцентуации глагольных форм с энклитиками, в частности с па 'не' [7].

Результаты работ В. А. Дыбо были приняты в целом советскими иранистами и послужили базой для акцентологических описаний афганского в других работах и широко цитируются при разборе соответствующей лексики в «Этимологическом словаре иранских языков» [8]. Также проблема в свете новых данных с привлечением дополнительного материала была снова рассмотрена Г. Моргенштерне [5]. Наблюдения над ударением в пашто и йидга (а также мунджанском) и ваханском были кратко обобщены М. Майрхофером в его очерке

праиранского в издании «Compendium linguarum Iranicarum». Его данные по афганскому ограничиваются наблюдениями Г. Моргенштерне, а работы В. А. Дыбо и В. А. Ефимова, посвященные ударению соответственно в афганском и ормури, не упоминаются.

Предпринимались и попытки описать афганское ударение и его историю другим образом. Л. Г. Герценберг попытался описать афганское ударение с помощью концепции, напоминающей применявшиеся ранее для описания исторического развития акцентуации в древнеперсидском и особенно в согдийском: исследователь постулировал различие тяжелых и легких основ в восточноиранском и полагал, что в истории пушту в двусложных основах происходило перемещение ударения на конечный тяжелый слог в том случае, если первый был кратким, и оставалось на тяжелом в том случае, если первый был тяжелым [6; 7]. Но В. А. Дыбо отметил в критической статье, что «ритмическая концепция Герценберга» не выдерживает проверки фактами и оказывается избыточной «в связи с полной тождественностью системы афганского разноместного ударения ведической». Также стоит еще раз отметить, что «ритмический закон» согдийского относительно позднего просхождения и не может быть проецирован на праиранский или правосточноиранский уровень, что является дополнительным аргументом против этой концепции.

Дж. Ченг в своей статье, специально посвященной ударению в пушту, также частично отвергает объяснение, продолженное в серии работ В. А. Дыбо [9]. Он также критически рассматривает концепцию Л. Г. Герценберга, отмечая, что деление на тяжелые и легкие слоги, предложенное последним, выглядит произвольным [9], и после рассмотрения материала предлагает свою достаточно сложную систему описания двух-, трех- и четырехсложных форм в афганском.

Согласно Дж. Ченгу, для двусложных форм надо различать 4, а для трехсложных – 3 случая последовательности кратких и долгих слогов, что влияет на ударение:

1. Последовательность $\tilde{\sim}$: *orə́* ‘облако’ < **abrám*, *nar* ‘муж, мужчина, самец’ < **nára-*, *psə́* ‘овца’ < **paśú-*;

2. Последовательность $\bar{\sim}$: *as* ‘конь’ < **áswa-*, *gwaḡ* ‘ухо’ < **gáuša-*; *nəp* ‘сейчас’ < **nūnám*, *skam* < **skambá-*, прилагательные *mər* ‘мертвый’ (< **múrdu* < **mṛ^utú*) < **mṛtám* (sic!), *pən* ‘полный’ (< **púrnu* < **pṛ^unú*) < **pṛnám* (sic!), *kuṛ* ‘глухой’

< *karná-; *stər* ‘большой’ < *sturá-; *um, om* ‘сырой’ < *āmá-; *yaw, yow* ‘один’ < *aiwá-; *žər* ‘быстрый’ < *jīrā-.

3. Последовательность $\sim \bar{\sim}$: *m̃la* ‘поясница’ (< *melá) < *máidyā-; *niná* ‘поджаренное зерно’ (< *lená) < *dā'nyā-; *p(ə)lá* f., pl. *p(ə)lé* (< *pēlá) ‘жила, нерв’ < *ráidyā-.

4. Последовательность $\bar{\sim}$: e.g. *áspa* ‘лошадь, кобыла’ < *áśwā-, *lúma* < ‘силок, петля’ < *dāmā*- и т. д.

В связи с этим формулируются три правила:

a. Старое ударение удерживается в словоформах с двумя легкими слогами.
b. Ударение падает на тяжелый слог в словоформах с одним тяжелым и одним легким слогом вне зависимости от места первоначального ударения (последовательности 2-3).

c. Старое ударение удерживается в словоформах с двумя тяжелыми слогами.

Для трехсложных словоформ:

1. Последовательность $\sim \bar{\sim}$: *bən* ‘одна из жен; жена многоженца по отношению к другим’ < *hapáθni-; *gúta* ‘палец’ < *anguštā-; *žen* ‘девушка’ < *ka'nīni-.

2. Последовательность $\bar{\sim} \sim$: *dwólas* ‘двенадцать’ < *dwādaśa-; *zyar, zyára* ‘желтый’ < *zá'rita-, *zá'ritā- (с предполагаемой ранней потерей второго слога).

3. Последовательность $\sim \bar{\sim}$: *awá* ‘семьдесят’ < *haptaití-, *calór* ‘четыре’ < *čaθwārah.

Соответственно, на основании этих случаев выводится одно правило:

a. Ударение в трехсложных словах обычно падает на предпоследний слог, за исключением тех случаев, когда ударение изначально падало на сильный начальный слог [9].

При внешней привлекательности и схематичности правила, приведенные Дж. Ченгом, сопряжены со следующими проблемами.

Во-первых, невозможно согласиться с объяснением случая 2 для двусложных форм по следующим причинам. Трактовка первого слога в прилагательном *rəñ* ‘полный’ (< *rúrnu < *r̥'nú) < *pr̥nám как тяжелого предполагает, что первый слог стал считаться долгим по положению после возникновения сочетания -rC, [9]. Но в таком случае праформа женского рода *pr̥nā неизбежно должна подчиняться правилу с. и реализовываться как # *rəñá*, но реальная форма *rəña* ‘полная’. Первоначальную акцентуацию показывают также кельто-италийские данные: ирл.

lán 'полный', др.-валл. *laun*, валл. *llawn*, корн. *luen*, *leun*, *len*, брет. *leun* 'полный' лат. *plēnus* 'полный' < *p_{l̥}h₁-по- [6; 7], соответственно, действие закона Хирта в праславянском не исключает реконструкцию с баритонезой. Можно привести также такие исключения, как *wə́na* ~ *wína* 'дерево' < *wánā-, начальное ударение которого Дж. Ченгу приходится объяснять как результат аналогического переноса из композитов вроде *ха-wína* 'оливковое дерево' [9], что не кажется правдоподобным. Наконец, в афганском есть ряд форм вроде *cə́rmā* f. 'сторона, граница' < *čarma [10]; *čə́na* 'наружная часть стены; защита' < kán(y)ā ? [10]; *γə́na* 'паук, тарантул' < *γárnyā < *garθn(i)yā- ? [10]; *pə́na* 'орошение, ирригация' < *pr̥šnā- [10], *stə́rga* 'глаз' < *str̥kā- [10], которые, при всей неясности их индоиранских праформ, очевидно нарушают правило Дж. Ченга для слов вроде *m̐la* 'поясница' (< *melá) < *máidyā-.

На мой взгляд, поскольку все приведенные примеры исчерпываются прилагательными и числительным *уaw*, *уo* < *aiwá- 'один', можно думать о морфологическом объяснении. Парадигма прилагательных вроде *um*, *om* 'сырой' выглядит в пушту следующим образом: им. п. ед. ч. *um*, косв. п. *umə́* < *ámáhya?, мн. ч. *umə́* < *ámáhah?. Можно думать, что значительная их часть утратила конечный зваракай для того, чтобы в парадигме продолжалось сохраняться различие между хотя бы двумя формами (хотя ср. *terə́* 'горький' с полным совпадением всех трех форм).

Соответственно, в афганском многие изначально окситонированные прилагательные мужского рода утрачивают конечный гласный, поскольку они испытывают давление косвенных форм и форм множественного числа и уподобляются преобладавшим односложным баритонированным прилагательным; то же касается и числительного 'один', в котором *уа- происходит из дифтонга *ai- с нерегулярными изменениями и косвенный падеж которого в мужском роде – *уawə́*. Из этого ряда выбивается только местоимение *nə́n* 'сегодня', но и в данном случае др.-инд. *nīpát* 'сейчас, ныне' может иметь вторичное ударение: ср. греч. *vūn* 'ныне, теперь'.

Примеры из третьей группы вроде *m̐la* 'поясница' (< *melá) < *máidyā-, напротив, не показывают следов первого тяжелого слога перед сочетанием согласных *-dy-, что также наводит на мысль о том, что речь идет об исключениях другого рода.

Таким образом, модель, предложенная В. А. Дыбо, лучше отражает историческое афганское ударение и регулярно действует для двусложных форм: окситонированные и баритонированные основы пушту напрямую соотносятся с праязыковыми.

Для трехсложных форм утверждение Дж. Ченга скорее верно, впрочем, что наиболее важно, они не работают для производных на **-ka*, ср. афг. *zə́mau* ‘зима’ < **zímaka-* и **pə́lay* ‘пешеход’ < **pádika-* или **pádaka-* [6; 7], о которых исследователь вовсе не упоминает в связи со своим правилом, а ведь именно они показывают контрастную акцентовку и дополнительно выявляют тождество акцентуационных систем пушту и ведийского.

Соответственно, утверждение Дж. Ченга о том, что работа В. А. Дыбо 1970 года является «вряд ли чем-то большим, нежели списком форм пушту» [9], является несправедливым: обращение к работам [6; 7], вторая из которых даже не упоминается Дж. Ченгом, показывает, что они являются проработанным и наиболее адекватным описанием афганской акцентуации. Внимание, уделенное в них акцентуации производных основ и акцентуации глагольных форм презенса не только самим по себе, но и в энклитических группах, отчетливо показывает, что афганский сохраняет максимальное количество черт архаической праиранской акцентуации.

Определенную близость с афганским языком в отношении разноместного ударения среди иранских языков также демонстрируют языки ормури и парачи, два небольших иранских идиома, которые Г. Моргенштерне условно относил к «юго-восточным» иранским языкам [5], отмечая, с одной стороны, особенности развития консонантизма, похожие на таковые в западноиранских языках (прежде всего **b*, **d*, **g* > *b*, *d*, *g*), и, с другой стороны, многочисленные лексические изоглоссы парачи и ормури с восточноиранскими языками, особенно с афганским, мунджанским, ваханским и шугнанским. В. А. Ефимов описывает ударение в ормури и парачи следующим образом: «Ударение в ормури разноместное, неподвижное, силовое. Разноместный (или свободный) характер ударения в именах и глаголах проявляется в том, что в двусложных словах оно может находиться на любом слоге, в трех- и четырехсложных, число которых значительно уступает одно- и двусложным, – на втором, третьем или четвертом слоге от начала слога» [11]. «Ударение в парачи динамическое, свободное (разноместное), подвижное. В двусложных словах падает либо на первый, либо на второй от начала слова слог. В многосложных словах,

численно уступающих одно- и двусложным, ударение тяготеет к концу слова: *wāšēnā* ‘петух’, *rhawāṭé* ‘расческа’, *kasāngānḍ* ‘одеяло» [11].

В. А. Ефимов описал разноместное ударение в ормури и парачи в основном по той же схеме, по которой В. А. Дыбо описал афганское ударение, в серии работ. Специально ударению глаголов в ормури посвящена его работа [11].

Несмотря на то, что В. А. Ефимов пользуется исследованиями В. А. Дыбо и его терминологией, в том числе отмечает случаи контрастной акцентировки, он в недостаточной степени приводит в своих работах и монографии соответствия между ормури / парачи и афганским (практически никогда), а также с другими новоиранскими языками (в основном в качестве параллели приводятся формы авестийского и среднеиранских языков). Здесь стоит отметить, что В. А. Ефимов относил ормури и парачи к северо-западным иранским языкам, что приводит к тому, что он чаще цитирует курдские или белуджские формы, чем афганские или, например, мунджанские. Основные аргументы автора – развитие ряда фонем и сочетаний согласных, общих для ормури и парачи и северо-западных иранских языков. Это следующие особенности звукового развития:

- 1) Праир. **b-* > орм. *b-*;
- 2) Праир. **d-* > орм. *d-*;
- 3) Праир. **g-* > орм. *g-*;
- 4) Праир. **-č* > орм. *ž/z* (лог. *ž*, кан. *z*).

Далее автор упоминает отражение «древнеиранских **z/*d*, **s/*θ* и **sp* соответственно как орм. *z*, *s*, *sp*» и «отражение ир. **θr/*θr* как лог. *š*, кан. *š^r* (*ř*)» [11].

Такое положение вещей приводит к тому, что сопоставление акцентуационных систем афганского и ормури и парачи осложняется: необходимо искать этимологические соответствия и затем сопоставлять ударение в родственных формах. Оценить даже примерное количество соответствий в таких условиях представляется сложной задачей.

В настоящей работе мы представляем список соответствий между основами афганского языка, ормури и парачи с необходимыми комментариями, в основном следующий по порядку за материалом, изложенным в работах [6; 7]. Формы афганского были проверены по этимологическим словарям пушту [10]. В записи афганских форм мы в основном следуем В. А. Дыбо. После афганской формы / форм

приводятся формы логарского и канигурамского диалектов в записи В. А. Ефимова (Е) и Г. Моргенстьерне (М) при опоре в основном на описание [11]. По возможности для этимологического отождествления основ привлекались данные [8] и других этимологических исследований.

2. Материал и методы

2.1. Имена. Barytona

*ā-основы

1. Афг. *wraṣa* ‘блоха’ – орм. кан. Е *šʳak*, мн. ч. *šʳačī*; парачи М *ruč* ‘блоха’ [6; 7].

Индоевропейская праформа $*(s)b^{hl}úseh_2$, она реконструируется на основании греч. *ψύλλα* (< $*b^{hl}súl-$), лит. *blusà*, род. п. *blūsos* (2), праслав. *blъхá*, вин. п. *blъхŕ* ‘блоха’, причем греческие и балто-славянские данные указывают на баритонезу. Также восстанавливаются различные видоизмененные праформы с различными метатезами вроде $*pusl-$ на основании лат. *pūlex*, *-icis* и алб. *plesht* [12]. В данном случае праиранская реконструкция $*frúšā-$, которой придерживается В. А. Дыбо для объяснения афг. *wraṣa*, может быть недостаточно обоснована. Г. Моргенштерне отмечает параллельную форму из восточных диалектов *wraṣiye* и выводит ее из $*frúši-yā$ (возможно, $*frúši + ā$), соответственно, *wraṣa* – исторически $*yā$ -основа, видоизмененная под влиянием рифмующегося *spəṣa* ‘вошь’ [10]. Для парачи *ruč* наиболее ожидаемо видеть праформу $*frú(ši)-čī-$ с начальным ударением (особенно похоже язг. *f(ə)rəš* ‘блоха’), а ормури *šʳak*, по всей видимости, продолжает праформу $*frušakā-$ (ср. йидга *frīyo* < *frúši-kā-*) с ожидаемой контрастной акцентуацией $*frúšā- > *frušākā-$ [8].

Таким образом, несмотря на различия в образовании основ, надежно устанавливается первоначальная праиранская баритонеза.

Интересно отметить, что данная основа ограничивается исключительно восточноиранскими языками, ср. [13]; соответственно, она может служить дополнительным аргументом в споре о месте парачи и ормури среди иранских языков.

2. афг. *áspra* f. ‘лошадь’ ~ орм. кан. Е *yāsp*, лог. Е *yāsp*, кан. f. Е *yāšpra* ‘лошадь’ ~ парачи Е *ōsp*, М *ōšp* ‘лошадь’ [6; 7].

Ударение в индоевропейской праформе устанавливается на основании вед. *áśvā-* ‘лошадь’, лит. *ašvà*, род. п. *āšvos* (2) ‘лошадь’ < и.-е. $*h_1ék'-weh_2-$ [12].

Очевидно, основы мужского рода в ормури действительно обратно образованы от *yāšpra* или испытали влияние данной основы, поскольку ожидаемым

результатом были бы **áśva-* > *#(y)asp* или *#yesp* с переходом **a* > *e* после протетического *y-* [11]. Множественное число на *-ān* в парачи имеет ударение на этом элементе, ср. *ōspān* и *aspān*, но это поздние вторичные образования по отношению к старой форме множественного числа с внутренней флексией *asp* [11].

3. афг. *wāla* f. ‘ива’ – парачи Е *yi*, М *yī* ‘ива’ [6; 7].

Авест. *vaēti* ‘ива’ < праир. **váyti-*; дальнейшие связи в индоевропейских языках указывают на колебание между дифтонгом и долгим **ī*, ср. др.-инд. *veta-* m. ‘тростник’ и *vetasá-* ‘ротанг’ с контрастным ударением; греч. *ἵέα* ‘ива; щит из ивовых прутьев’, лат. *uītex*, *-icis*, прагерм. **wīþaz* ~ **wīþjō* или **wīþō*, ср. др.-в.-нем. *wīda* f. ‘ива’ [12]. В греческом ударение не на корне, по всей видимости, из-за отклоняющегося характера основы (< *wītéwā* ?), но германские данные свидетельствуют о первоначальной баритонезе. Также на место изначального ударения может указывать лат. *uītex* ‘ива’ – в этом слове не происходит сокращение по закону Дыбо, подробнее об этом [6; 7].

4. афг. диал. *stāna* (норм. вариант *stān*) ‘столб, колонна, подпорка’ –орм. кан. Е *styun*, М. *styōn* ‘колонна’; парачи М. *ustūn* ~ *estūn* ‘колонна’ [10].

В древнеиндийском рассматриваемые слова имеют баритонированное соответствие *sthūñā-* f. ‘столб, колонна’, этимологически связываемое с др.-инд. *sthūra-* ‘большой, крепкий’ и и.-е. **stū-* (< **steh₂-w-*), *w*-расширением или вариантом корня **steh₂-* ‘стоять’ [14]. Основа демонстрировала вариантивность еще в праиранском, ср. авест. *stūna-* m. ~ *stunā-* f. ‘колонна; столб’. Ввиду диалектных афганских форм *stānye* и *stani* более правдоподобна праформа **stūn(i)yā-* [10].

В данном случае определенные сомнения вызывает слово, засвидетельствованное в парачи. Ефимов для сравнения с формой парачи приводит курд. *astū* ‘шея’ при *ustu(n)*; наиболее вероятно, что автор при этом цитирует Абаева, который, в свою очередь, приводит форму *astū*. Тем не менее, прямым соответствием перс. *sutūn* ‘колонна’ и другим формам иранских языков, восходящих к **stūnā-*, курдское слово *astū* быть не может. В «Этимологическом словаре курдского языка» справедливо указывается, что курд. *stu* (*stū*, *stō*) ‘шея’ восходит, как и осет. *astæw* ‘поясница; середина’, *staw* ‘поясничная область’, к др.-ир. корню **stū-*, **staw-* ‘стоять’, но образовано от другой основы, в отличие от *stūn* f. ‘столб; балка, перекладина; бревно’ < **stūnā-*.

Соответственно, нет достаточных оснований для того, чтобы вообще специально сближать парачи М. *ustūn* ‘колонна’ с диал. курд. *astū* ~ *ustu(n)* ~ *istu* ‘шея’ и осет. *astaw* ‘поясница; середина’, *staw* ‘поясничная область’.

Анлаутное *u-* появилось в парачи в результате развития протетического гласного перед группой согласных **st-* с дальнейшей ассимиляцией.

5. афг. *wána* ~ *wúna* f. ‘дерево’ – парачи Е *yan*, М *yān* ~ *yan* ‘дуб’ [10].

Иранская праформа **vánā-*, ср. др.-инд. *vānam* п. ‘лес, дерево’, авест. *vanā-* ‘дерево’ [14]. Интересно, что еще в Ригведе засвидетельствовано корневое имя *ván-* ‘деревянный сосуд, кадка’ с окситонезой в отдельных падежных формах (ср. instr. sg. *vanā́*, gen. pl. *vanā́m*), но уже в авестийском нет его надежных следов, вопреки.

6. афг. *gūta* ‘палец’, ванечи *nagút* – орм. лог. Е *angóxt*, кан. Е *ngúšt* ‘палец’, парачи Е *yošt*, М *yušt*.

Реконструируется в виде **angúštā-* или **angúštā́-*, ср. др.-инд. вед. *aṅguṣṭhá-* ‘палец’ и более поздняя форма *aṅguṣṭha-* м. ‘палец; большой палец’ [14]. Передвижение ударения в древнеиндийском могло произойти из-за влияния таких похожих образований, как, *aṅgúri-*, *aṅgúli-* f. ‘палец; большой палец’, производящее существительное – *ánga-* ‘часть тела, член’. В афганском ударение переходит на второй слог с последнего по правилу Дж. Ченга для трехсложных основ [9]; такое же развитие наблюдается в ормури и парачи.

7. Афг. *ōṣa* ‘слеза’ – орм. кан. М *hēncē* ‘слезы’, М *yascak*, мн. ч. *yscī*.

Слово *ōṣa* употребляется в восточных диалектах пушту, в западных используются формы *úška* ~ *óška*, также *woška* и *yeška* [10]. Переход **a > o* в афганском происходит в данном случае перед *u* следующего слога и группой согласных. Все эти формы восходят к **ásrukā-*. То же касается и форм канигурамского диалекта ормури: *hēnc-* и *yasc-* < **hōnck-* < **ōšk-* < **ásru-kā-* [11]. По правилу ударения производных на **-ka* «по контрасту» ожидалось бы **ásrukā́-*, соответственно, это одно из исключений как для пушту, так и для ормури. Как бы то ни было, примечательно, что афганский и ормури показывают совпадение по месту ударения, пусть и незакономерному.

8. афг. *wāwra* ‘снег’ – орм. кан. Е *yoř*, лог. Е *yoř* ‘снег’ ~ парачи Е *yarp* ‘снег’ [10].

И.-ир. **wáprā* ~ **wapra-*, ср. др.-инд. *váprā*- f. ‘очаг’, *vāpra* m. ‘насыпь; земляное укрепление’ без убедительных внешних параллелей [14]. Также стоит отметить йидга *wórfo* ~ *wárfo* ~ *wárfə* ‘снег’ с таким же местом акцента [6; 7].

9. афг. вост. *lāra* ‘дорога’, в ряде диалектов *lyār* – орм. Е *rāy* ‘дорога’.

Праформа афганского слова – **ráθyā-* с более ранним **ráθī-* [10]. Параллель из ормури может быть ранним заимствованием из дари, но если она исконна, то поддерживает второй вариант реконструкции.

Прилагательные

10. Афг. *wəč* f. *wəča* ‘сухой’ – орм. кан. Е *wyok* лог. Е *wuk* ‘сухой’; парачи М *hušk* ~ Е *hóškō*, М. *húšku* и М *ōškār* ‘сухой’.

Баритонеза устанавливается на основании вед. *śúška-* ‘сухой’; праир. **húška-*. Окончания более распространенных в парачи форм Е *hóškō*, М. *húšku* выглядят как вторичное позднее наращение суффикса, ср. также приводимую Г. Моргенштерне форму *ōškār* ‘сухой’ < **huška-bara-* (?), как в язг. *wəxkāvūr* ‘старый дырявый сосуд, годный для переноски и хранения только сухих предметов’ [8] или **huška-rá-* с вторичным суффиксальным наращением.

11. афг. *ziár*, f. *ziāra* ‘желтый’ – парачи М *zītō* ~ *zītu* ~ *zīta* ‘желтый’ [10].

Иранская праформа **zárita-*, ср. др.-инд. *hárīta-* ‘желтый; блестяще-желтый, белокурый’. В парачи не до конца ясна праформа. Очевидно, *zīta* является прямым продолжением **zárita-* и, вероятно, влияет на ударение *zītō* < **záritaka(hya)-*. В. А. Ефимов также реконструирует для парачи *zīta* парформу **zárita-* [11]. Для обоих языков можно предполагать раннюю утрату второго слога.

12. афг. *plán*, *plān*, f. *plāna* ‘широкий, просторный’ – орм. кан. *pan* ‘широкий’.

Приведенные лексемы восходят к праир. **paθána-*, ср. авест. *paθana-* ‘широкий’. Праиранская основа **paθána-* соответствует, по мнению В. А. Дыбо, греч. *πατάνη* f. ‘блюдо’ < ‘широкая’ [6; 7]. Впрочем, нельзя исключать вероятности прагреческого происхождения данного слова ввиду похожего по форме и значению *πέταχον* ‘широкая плоская чаша’ [15], что делает проблемным установление ударения в индоевропейской праформе.

13. афг. *spīn*, f. *spīna* ‘белый’ – орм. лог. Е *spew*, М *spēw*; кан. Е *spi/ew*, М *spīw* ‘белый’ [10].

Иранская праформа **šwaitá-*. Основы не совпадают. Афганские формы восходят к **šwít-no-* ~ др.-инд. *śvítna-* ‘светлый, беловатый’, а формы языка ормури

продолжают *šwaitá- с характерным переходом в баритонезу у прилагательных. Также в ормури Р. Личем засвидетельствована форма ispeuq [13].

14. афг. *rūñ*, ж. р. *rūña* ‘светлый, блестящий, сверкающий’ – орм. лог. Е *rówon*, кан. Е *ráwan*, *run* ‘огонь’, парачи Е *r íne*, М *rhñē* ‘свет, дневной свет; день’ [8].

Праформа *ráwxšna- < и.-е. *léwkšno-, ср. греч. *λύχνος* m. ‘лампа, светильник’. В парачи и ормури произошла номинализация с семантическим сдвигом, характерная для этого прилагательного в индоевропейских языках.

15. афг. *уах*, f. *уáха* ‘холодный’ – орм. лог. *уах* ‘лед; холодный, холодно’, парачи М. *īх* ‘лед’ [8].

Г. Моргенштерне считает орм. *уах* ‘лед’ персидским заимствованием, по всей видимости, справедливо: закономерным развитием начального *у- в ормури служит *з-* / *z-*, ср. орм. кан. Е *zāšr*, М *zāšr* ‘печень’ < *yāxr- < *yākar-; орм. кан. Е *за* ‘ятровь, жена брата мужа’ < *yātar- [11].

При этом метатеза *ауха- > *уаха- встречается в целом ряде иранских языков разных групп, так что внешнее сходство формы ормури с афганской не является определяющим.

16. афг. *tāš*, f. *tāša* – орм. кан. Е *tusk* ‘пустой’.

Орм. *tusk* восходит к производному *tús(y)aka- с ударением, соответствующим др.-инд. *tucchyá-* по правилу контрастного ударения производных на *-ka. Афганские же данные указывают на *túsyā-. Согласно мнению В. А. Дыбо, изначальное место ударения сохраняет праславянское прилагательное *tъšь ‘тощий’ [6; 7].

17. афг. *stár*, ж. р. *stára* ‘большой’ – орм. лог. Е *stor*, М *stur*; кан. Е *stur*, М *st^{ar}* ‘большой’.

В «Новом этимологическом словаре пушту» считается заимствованием из афганского, но слово может быть исконным, оно соответствует всем правилам исторической фонетики ормури [11].

Корневые имена

18. Афг. *тах* ‘лицо; сторона, край; грань, лезвие’ ~ орм. кан. Е *тих* лог. Е *тох* ‘лицо; щека’ ~ парачи Е *тох*, мн. ч. *тóхān* ‘лицо’ ~ вед. *múkha-* ‘рот, лицо’.

С сомнением предполагается, что слово из ормури – заимствование из пушту, хотя соответствие из парачи при этом исконно [10]; но ввиду дополнительного значения ‘щека’ предпочтительнее и формы ормури рассматривать в качестве

унаследованных. Основа **míxa-* < **múkʰa-* является также важной лексической изоглоссой между ормури, парачи и афганским: кроме перечисленных языков соответствие усматривалось только в осет. *mūk'ū / tok'o*, чаще мн. *mūk'ūtæ* 'морда', но это в лучшем случае контаминация **míxa-* с синонимичным субстратным словом из кавказских языков.

19. афг. *уэž* 'медведь' – орм. кан. Е *hins*, лог. Е *xirs* 'медведь'; парачи Е *uʔ* 'медведь'.

Праформа **r̥ṣa-*, ср. др.-инд. *r̥ksa-* 'медведь'. И в парачи, и в ормури наблюдаются различные отклонения от праформы, возможно, вызванные табуированием.

20. афг. *хар* 'осел' – парачи Е *k'ōr ~ kōr*, М *khōr* 'осел'.

Праформа **xára-*; ср. др.-инд. *khára-* 'осел; мул'. За пределами индоиранской ветви соответствия надежно не засвидетельствованы. Есть параллельная форма женского рода *xrá-*, которую Дж. Ченг считает, в связи со своей теорией о характере афганского ударения, исконно баритонной [9], но это невозможно доказать при отсутствии надежных родственных основ с фиксацией ударения.

21. афг. *лōr* 'сerp' – орм. кан. Е *dāš*; пар. М *dēš*.

Основы в пушту и ормури являются продолжениями праформы **dātra-*, в парачи основа **dātrī-*; ср. др.-инд. *dātra-* 'разновидность серпа или кривой нож'.

22. афг. *wō* 'ветер' – парачи М *yā* 'ветер'.

Праформа **wāta-*, ср. др.-инд. *vāta-* 'ветер'. Стоит отметить, что для ванечи *wagá* и диалектной афганской формы *wága* в «Новом этимологическом словаре пушту» реконструируется **wāta-ka-ka-*; в ванечи может наблюдаться отражение **wāta-ká-* с ожидаемой окситонезой по правилу контрастной акцентовки [10].

23. афг. *xīb* 'сон' – парачи Е *xōm*, М *xōm* 'сон'.

Праформа **xvárna-*, ср. др.-инд. *svárna-*, лит. *sāpnas* (2 и 4) 'сон; сновидение'.

24. афг. *γwáž* 'ухо', в кандагарском диалекте также 'шум' – орм. лог. кан. Е *gou*, парачи Е *gu*, М *gū* 'ухо'.

Праир. **gáwša-*, др.-инд. *ghóṣa-* 'шум, крик, рев; шум, молва'. Формы парачи Е *guš ~ gōš*, М *gōš ~ gūš* являются заимствованиями из персидского [13].

25. афг. *špīn* 'пастух' – орм. кан. ЕМ *šwān*; парачи М *xiwān* 'пастух'.

Праформа **pśu-rāna-*, ср. ср.-перс. раннее *šurān*, позднее *šubān* 'пастух' и т. д. [8].

26. афг. *prāṅg* ‘леопард’ – парачи М *parōṅ* ~ *parōṅd* ‘пантера’.

В отношении ударения сравнивается др.-инд. *pr̥dāku-* ‘змея, тигр, барс, леопард’. В данном случае в иранских формах оно явно перемещается на второй слог, ср. правило для трехсложных слов в пушту, сформулированное Дж. Ченгом [9].

27. Афг. *nu* ‘пуп’ – орм. лог. Е *nāf*, М *nâf*, также лог. М *néfak* ‘пуп’.

Праформа **nāb^ha-*, при этом орм. *néfak* ‘пуп’ < **nāb^hikā-* с незакономерным начальным ударением (вероятно, под вторичным влиянием непроизводной основы).

28. афг. *wlest* ~ *lwest* ‘пядь (мера длины)’ – орм. кан. Е *zwast*, М *zwast* ‘пядь’.

Праир. **wításti-* < **wítasti-* с перемещением акцента по правилу, работающему для основ с тремя слогами [9].

29. афг. *bən* ‘одна из жен (по отношению к другим – при множестве)’ – орм. кан. *wan* ‘одна из жен’.

Праформа **ha-pátnī-*, ср. др.-инд. *sa-pátnī-* ‘обладающая совместным супругом; одна из жен (по отношению к другой; соперница)’. Также к сравнению может быть привлечено йидга *sóuno* с баритонезой [6; 7], хотя данное слово должно быть адаптированным индоаризмом.

30. афг. *sar* ‘голова’ – орм. кан. лог. ЕМ *sar* ‘голова’.

Авест. *sarah*, праир. **śarah-*, ср. др.-инд. *śíras-* ‘голова; верхняя часть, вершина, глава’.

31. афг. *nar*, *nər* ‘муж, мужчина, самец’ – парачи М *nērōk* ‘самец’.

Праформа **nára-* (более раннее корневое имя отражено в др.-инд. *nár-*); в парачи закономерная окитонеза по правилу контрастного ударения **naryaká-*.

32. афг. *uōr* ‘жена брата мужа’ – орм. кан. Е *za* ‘жена брата мужа’.

Праформа **yātar-*, ср. др.-инд. *yātar-* ‘жена брата мужа’.

33. афг. *ōr* ‘огонь, пожар’, ванечи *áwər* – парачи Е *ār*, М *âr* ‘огонь’.

В данном случае не до конца ясна непосредственная праформа для парачи: Г. Моргенштерне предполагал, что произошла метатеза **ātr-* > **ārt-* [13].

34. афг. *nūm* ‘имя’ – орм. лог. Е *nām*, М *nām*; кан. *nām* ‘имя’; парачи Е *nām*, М *nām*.

Праформа **nāman-* (**nātmā-*), ср. др.-инд. *nāman-* ‘имя’.

Числительные

Баритонированные числительные в афганском, ормури и парачи обычно совпадают по ударению и похожи по форме.

35. Афг. *dre*, диал. *drey*, *dray* ‘три’ – орм. лог. E *šo*, M *šō* ~ *šō*, кан. E *š'i*, M *š'ē*; парачи E *ši* ~ *šo* ~ *še*, M *šī* ~ *šu* ‘три’ [10].

Праформа **tráyah*, ср. др.-инд. *tráyas* ‘три’.

36. афг. *nə* ‘девять’ – орм. лог. E *no* ~ *nə*, M *nā*, кан. E *na*, M *n^h*; парачи E *nō*, M *nō* ‘девять’.

Праформа **náwa-*, ср. др.-инд. *náva-* ‘девять’.

37. Афг. *lás* ‘десять’ – орм. лог. кан. EM *das*; парачи E *dōs*, M *dōs* ‘десять’.

Праформа **dása-*; ср. др.-инд. *dása-* ‘десять’.

38. Афг. *dwōlas* ‘двенадцать’ – орм. лог. E *dwās*, M *dwās*, кан. E *dwās*, M *duàs*; парачи E *dowās* ~ *duwās*, *d(o)hās*, M *dwās* ~ *duwās* ‘двенадцать’. Праформа **dwādaśa-*; ср. др.-инд. *dvādaśa-*, греч. *δώδεκα* ‘десять’.

39. Афг. *dyārlas* (< **draylas*) ‘тринадцать’ – орм. лог. E *šes*, M *šēs*, кан. E *š'es*, M *š'ēs*; парачи E *šedōs*, M ‘тринадцать’.

Праформа **trídaśa-*; ср. др.-инд. *trídaśa-*. Форма парачи очевидным образом вторична и является более поздним композитом.

40. Афг. *swārlas* ‘четырнадцать’ – орм. лог. E *carés*, M *carēs*, кан. E *carés*, M *cáres* и *carēs*; парачи E *čadōs*, M *čadōš* ‘четырнадцать’.

Праформа **čátwārdaśa-* или **čát/θrudaśa-*, ср. др.-инд. *cáturdaśa-* ‘четырнадцать’. Как и в случае с числительным ‘тринадцать’, в парачи представлено новообразование. То же относится и к формам ормури с конечным ударением.

41. Афг. *nūhas* (вар. *nūlas*) ‘девятнадцать’ – орм. лог. E *nes* ~ *a-nés*, M *nēs*, кан. E *anés*, M *unēs*; парачи EM *pams*.

Праформа **návadaśa-*, ср. др.-инд. *návadaśa-*. Особенно ясно изначальная баритонеза видна в парачи.

42. Афг. *-wīšt-* ‘двадцать’, в составе числительных от 21 до 29 – орм. лог. E *jístu*, M *jīst* ~ *jīstu*, кан. E *jístu*, *a-jístu*, M *jīstū*; парачи E *yošt*, M *yušt* ‘двадцать’.

Праформа **wīšati-*, ср. греч. гом. *ἐείκοσι*, дор. беот. фессал. *ῥικατι* < **eῤῥīkati* ‘двадцать’. Наиболее отчетливо первоначальная баритонеза видна в ормури; конечный *-u* появился под влиянием других обозначений десятков.

43. Афг. *zār* ‘тысяча’ – орм. лог. E *azār*, M *azār*, кан. EM *zār*.

Праформа **hazáhra-*, ср. др.-инд. *sahásra-* ‘тысяча’. Для логарского диалекта наиболее вероятно заимствование из персидского; однозначно заимствовано парачи E *hazār*, M *hazār* [11].

Следы окситонезы в ормури и парачи прослеживаются хуже; так, В. А. Ефимов приводит целый ряд основ, утративших конечное ударение в ормури [11]. Тем не менее, отдельные случаи сохранения окситонезы в именах, и особенно в числительных, в определенной степени отражают первоначальное состояние. Также важны баритонированные основы с акцентовкой «по контрасту».

2.2. Имена. *Oxytona*

1. афг. *šrá* ‘ночь’ – орм. кан. Е *šyo* / *šyu*, М *šīw*, лог. Е *хӱ*, М *šō* ‘ночь’ ~ парачи Е *hawān*, М *hawān* ‘ночь’.

Праязыковая баритонеза согласно вед. *kṣara-* ‘ночь’. За пределами индоиранских языков это слово не имеет однозначных соответствий. Традиционно сравниваются с хетт. *ispant-* ‘ночь’, но данное решение сталкивается с определенными фонетическими проблемами (Трофимов 2014).

Это один из наиболее важных случаев тройного соответствия между афганским, ормури и парачи. В. А. Ефимов относит основу ормури к рефлексу старой окситонезы с некоторым сомнением [11]. Для ормури следует предполагать фонетический переход **xšarā’ > *šawá > *šwa > *šwo > šyo / šyu*. В парачи *hawān < *xšarānam*, несколько отличается основа.

Прилагательные

Прилагательные в парачи и ормури практически все поменяли унаследованную окситонезу на баритонезу. Это неудивительно, потому что и в пушту окситонеза наиболее надежно устанавливается только по формам женского рода при переходе форм мужского рода в прямом падеже в баритонезу. В ормури формы женского рода имеют конечный -а, но теряют ударение на этом форманте.

2. Афг. *ūt*, f. *utá* ‘сырой, недоваренный; неспелый, незрелый’ – орм. кан. М *hāt*; парачи Е *xāt*, М *hātō* ‘сырой, незрелый’.

Праформа **ātá-*, ср. др.-инд. *ātá-* ‘сырой, незрелый’, греч. *ώμός* ‘сырой, неспелый’. Если форма парачи *hātō* действительно древняя, она отражает закономерное **ātaka(hya)-* с контрастной акцентовкой.

3. афг. *sur*, ж. р. *srá* ‘красный, алый; румяный’ – орм. лог. Е *suš*, М *sūš*; кан. Е *suš^r*, М *sūš^r* ‘красный’; парачи Е *sork*, *sórku* и *sórkhō*, М *surkh*, *súrku* и *surkhō* ‘красный’.

Праформа **śuxrá-*, др.-инд. *śuklá-* ‘белый; светлый, чистый’. Окситонеза утрачена и в ормури, и в парачи. Ожидаемое ударение только в форме парачи *sórkhō* < **śúxraka(hya)-*, но ее значение уменьшается из-за засвидетельствованного Г. Моргенштерне варианта *surkhō̃*.

4. Афг. *pōx*, f. *paḥá* ‘сваренный, вареный, спелый, зрелый’ – орм. лог. Е *póxok*, М *rixōk*, кан. ЕМ *paḥak* ‘вареный; спелый’; парачи М *phōk* ‘вареный’.

Праформа **paḥwá-* ‘вареный’, ср. др.-инд. *paḥvā-* ‘вареный; спелый, зрелый’, производное от **pak-* / **paç-* ‘готовить еду; печь, варить’. Окситонеза утрачена в парачи и ормури; ударение причастий в ормури неясно.

5. Афг. *sōr*, ж. р. *saṛá* ‘холодный, прохладный’ – орм. лог. Е *sāla*, кан. Е *sāla* ‘холод’.

Праформа **sartá-*; на окситонезу в праязыке указывает прерывистая интонация латышского *saļts* ‘холодный’ [6; 7].

На наш взгляд, это прилагательное важно для установления истории изначально окситонированных основ в языке ормури. В данном случае ударение становится накоренным, но при этом сохраняется конечный **-a* < **-āh*, очевидно стоявший под ударением. Похожий процесс произошел, по всей видимости, с такими немногочисленными прилагательными, как афг. *spērə* ‘светло-серый; мутный, загрязненный’ < **świtrá-*, ср. др.-инд. *świtrá-* ‘белый’. Большинство прилагательных мужского рода в ормури теряет конечный ударный гласный.

6. Афг. *tōd*, f. *tawdá* ‘теплый, горячий, жаркий’ – орм. лог. Е *tok*, М *tōk* ‘горячий’.

Праформа **taftá-* (др.-инд. *taptá-* ‘нагретый, разгоряченный, жгучий’), в ормури закономерное **táftaka-* с контрастной акцентовкой.

8. Афг. *məṛ*, f. *mṛá* ‘мертвый, умерший’ – орм. лог. Е *mól(l)ok*, кан. Е *múl(l)ak*, М *múlluk*; парачи М *múrō̃*, Е *móru* ‘мертвый’.

Праформой для парачи и ормури должно служить производное **mṛṭaka-*, в котором закономерная баритонеза по контрасту к праязыковому **mṛṭá-*, ср. др.-инд. *mṛṭá-* ‘мертвый’. См. ниже как соответствия афг. *məṛay* ‘труп, мертвец’.

9. Афг. *trīx*, ж. р. *tərxá* ‘горький, соленый’ – орм. кан. Е *tēṣ* ‘горький’.

Др.-инд. *takrá-* ‘пахта, разбавленная водой’. Сопоставление с древнеиндийским словом выглядит достаточно сомнительным.

Имена на зваракай

10. Афг. *mur̥ga*, *m̥rga* ‘птица (часто хищная)’ ~ орм. кан. Е *mirgá*, М *mirg^a*, лог. Е *morgá*, М *mirga* ‘птица / маленькая птица / воробей’ ~ парачи Е *morčě*, М *murčě* ‘воробей’.

Праформа **mr̥gá-*; ср. др.-инд. *mrgá-* ‘дикое животное / дичь / олень, антилопа и т. д.’. Форма парачи явно имеет суффиксальное происхождение, скорее всего это **mr̥ga-či-ká-* с окситонезой, поскольку производное **mr̥ga-či-* должно было быть баритонированным, сравни *frúṣ(ā)-či-* ‘блоха’ < **fruṣā-*. По-другому реконструируют эту основу и Г. Моргенштерне, и В. А. Ефимов, отдающие предпочтение реконструкции **mr̥ga-č-* [13] и **mr̥gá-č-* [11]. В пушту окончание -а является рефлексом **-áh* [9]; стоит думать, что в ормури такая же ситуация с рефлексом *-á* < *-āh*.

11. Афг. *wāzə* ‘сажень; шаг коня’ – М *bazar* ~ *bizar* ‘рука (от локтя до запястья)’.

Праформа **bāzú-*, ср. др.-инд. *bāhú-* ‘рука; предплечье; мера длины’ (но греч. *πῆχυς* ‘предплечье, рука; пехий, локоть (мера длины ок. 46 см.)’). Место ударения в ормури не засвидетельствовано; при этом должна реконструироваться производная форма **bāzura-* (но ср. афг. *wazár* ‘крыло; рука от плеча до локтя’ < **wazaθra-* [10]. Также далее разбирается афганское производное *ōzau* ‘плечевая кость’ в разделе о производных на **-ka*.

12. Афг. *ōwrə*, также *orə* и *warə*, диал. *awár* ‘облако, тучка; бельмо’ – орм. лог. Е *yew^ər*, М *yēwər*, кан. Е *áb^ər* ‘облако’; парачи Е *a(y)ir*, М *aĩr* ‘облако, туча’.

В. А. Дыбо, как и Дж. Ченг [9], сравнивает напрямую с др.-инд. *abrá-* ‘облако’, а Г. Моргенштерне считает, что формы, засвидетельствованные в пушту, восходят к **abryá-* [10], как и родственные слова в ормури и парачи. При этом в ормури произошел достаточно стандартный переход в баритонезу, а для парачи можно предполагать окситонезу, отразившуюся в конечном ударении слова в его засвидетельствованном облике.

13. афг. *trə*, *təṛə* ‘дядя со стороны отца’ – орм. ЕМ *tā* ‘дядя со стороны отца’; парачи М *petě*.

Праформа **pitṛvyá-*; ср. др.-инд. *pitṛvyá-* ‘брат отца, дядя’. Данные ормури и парачи также указывают на окситонезу. Детали фонетического развития в парачи не до конца ясны, но очевидно, что это унаследованное слово.

14. афг. *wrarə* ‘племянник’ – орм. кан. Е *rāš'i*-, М *rāš'ai* ‘племянник, сын брата’ и Е *rāš'a*-, М *rāš'ra*- ‘племянница’.

Праформа **brātr̥vyá*-, ср. др.-инд. *bhrātr̥vyá*- ‘племянник’. В данном случае данные афганского и ормури противоречат друг другу, но стоит иметь в виду, что наряду с др.-инд. *bhrātr̥vyá*- ‘племянник’ есть основа *bhrātr̥vyu*- ‘соперник’ [6; 7]; хотя логичнее предполагать поздний переход в баритонезу в слове с долгим гласным в первом слоге. Мнение Г. Моргенштерне о том, что данные слова представляют древние заимствования из пушту [10], не лишено почвы, поскольку окончание в том виде, в котором оно отмечено исследователем, указывает на афганское происхождение; также подозрителен фонетический переход **br-* > *r*, ср. орм. кан. *bras*- ‘гореть’ < **brašya*-, *braz*- ‘жечь’ < **braž*- [11]. С другой стороны, сама афганская форма не заканчивается на *-au*, а переход **br-* > *r*- может быть обусловлен местом первоначального ударения. Как бы то ни было, это достаточно сомнительный случай.

15. афг. *zrə* ‘сердце’ – орм. лог. Е *zle* ~ *zli*, М *zli*, кан. Е *zli* ‘сердце’; парачи Е *zor*, М *zur* ~ *zör* ‘сердце; душа’.

В. А. Дыбо считает афганское слово прямым рефлексом праязыкового корневого имени *hr̥d-* «с выравниванием по косвенным падежам. Но намного вероятнее, что приведенные формы пушту и ормури указывают на **zr̥díya*-, ср. греч. *καρδία* ‘сердце’, такое решение отмечается В. А. Ефимовым в его монографии про язык ормури [11]. Г. Моргенштерне и ранее В. А. Ефимов реконструировали **zr̥daya*- с переходом **aya* > *i* (ср. авест. *zarədaya*- ‘сердце’), но стоит отметить, что др.-инд. *hr̥daya*- ‘сердце’ указывает на баритонезу, а прилагательное *hr̥dayuyá*- ‘находящийся в сердце; лежащий на сердце (перен.)’, вряд ли могло быть исходной точкой для образования базового слова ‘сердце’. Форма парачи же отражает корневое имя **zr̥d-*.

16. Афг. *lewár* ‘брат мужа, деверь’ – парачи М *hīwar* ~ *hēwar*, *hīwar* ‘брат мужа, деверь’.

Праформа **daywár*- или **θaywár*-, ср. др.-инд. *devár*- ‘младший брат мужа, деверь’, греч. *δαίρ* ‘брат мужа, деверь’. Это сопоставление сомнительно, потому что форма парачи неясна: начальный **d-* не должен переходить в *h-*, ударение засвидетельствовано только в одном месте [13]; вероятно, это персидское

заимствование, ср. каб. разг. дари (*h*)*ēvar* ‘деверь’ [8]. Место ударения не совпадает, но в таком случае это не имеет большого значения.

17. Афг. *plar* ‘отец’ – орм. кан. Е *pye* ~ *piyé*, М *piē*, лог. Е *pe*, М *pē* ~ *pyē* ‘отец’.

Праформа **pitár-* (им. п. **pitā*), ср. др.-инд. *pitár-*, им. п. *pitā* ‘отец’. Дж. Ченг возводит *plar* наряду с другими обозначениями близкой степени родства прямо к праязыковому вокативу *pítar* [9], но это маловероятно из-за ударения.

Числительные

18. Афг. *yaw*, *yow*, косв. *yawá*, ж. р. *yawá* – парачи Е *žu*, М *ž* ‘один’.

Восходит к **auwá-* с метатезой, ср. авест. *aēuiua* ‘один’. В. А. Дыбо устанавливает праиранское место ударения на основании др.-инд. *evá-*, *evā* ‘так, только, именно, же’ и *evám* ‘так, таким образом’ [6; 7]. Форма парачи образовалась в результате перехода **away-* > **yawa-* > **yuwa-* > **yū* с дальнейшим закономерным переходом **y-* в *ž*. Этимология орм. лог. Е *še*, М *šē*, кан. Е *sa*, М *sō*; ф. кан. Е *sye* [11] сомнительна: Х. Бэйли возводил это числительное к праиранскому **auwa-* наряду с хс. *śśau*, ф. *śśā*, для чего необходимо предполагать фонетический переход типа **away-* > **yuwa-* > **zū* > хс. *śśau*, орм. лог. Е *še*, М *šē*, кан. Е *sa*, М *sō* с оглушением [8]. С другой стороны, формы ормури могут восходить и к основе дейктического местоимения **kūo-* [13]. По всей видимости, из всех иранских языков только пушту и, возможно, язгулямский, где засвидетельствовано *wū* ‘один (в атрибутивном употреблении)’ [8], сохраняют следы старого ударения.

19. Афг. *ōwā* ‘семь’ – орм. лог. Е *wo*, М *wō*, кан. Е *wo*, М *hō*; парачи Е *hōt*, М *hōt* ‘семь’.

Праформа **haftá-*, ср. др.-инд. *saptá-*, греч. *ἑπτά* ‘семь’. В парачи окситонеза однозначно утеряна. В ормури *o* < **afta-*, ср. орм. лог. Е *tok*, М *tōk* ‘горячий’ < **táftaka-*. При этом начальный *h-* ~ *w-* может быть не рефлексом **h-*, а вставным согласным на месте исчезнувшей группы согласных **ft*, соответственно, место праязыкового ударения могло быть на последнем слоге, а начальный слог **ha-* отпал [11].

20. Афг. *atā* ‘восемь’ – орм. лог. Е *āx̌t*, М *āšt*, кан. Е *āšt*, М *hānšt* ‘восемь’; парачи Е *ōšt* ~ *ōšt* ~ *hōšt*, М *ōšt* ~ *ōšt*.

Праформа **aštā-*, ср. др.-инд. *aṣṭáu-*, греч. *ὀκτώ* ‘восемь’. В ормури и парачи наблюдается несоответствие ударения, окситонеза утеряна. Стоит отметить, что

подобные незакономерные с точки зрения акцентуации формы наблюдаются и в афганском: ср. литер. и диал. *at* ‘восемь’ [8].

21. Афг. *ōwəlas* ‘семнадцать’ – орм. лог. кан. Е *awés*, М *awēs*; парачи Е *hatōs*, М *hattōš* ‘семнадцать’.

Приведенные формы продолжают **haptádaśa-*, ср. др.-инд. *saptádaśa-* и авест. *haptadasa-* ‘семнадцать’. В ормури и парачи возможно передвижение ударения на предпоследний слог, **haptadáśa-*, но возможна и полная потеря заударного слога **-da-* в праформе с закономерным праиранским ударением.

22. Афг. *atəlas* ‘восемнадцать’ – орм. лог. Е *aχtes*, М *aštēs*, кан. Е *aštés*, М *aštēs*; парачи Е *aštōs* ~ *aštōš*, М *aštōš* ~ *aštōš* ‘восемнадцать’.

Праформа **aštādaśa-*, ср. др.-инд. *aṣṭādaśa-*, авест. *aštadasa-*. Развитие в ормури и парачи аналогично тому, что в числительном ‘17’. Стоит отметить, что некоторые другие языки имеют подобные формы, ср. заза *haštês* и осет. *æstdæs* ~ *æstæs* [8].

23. Афг. *pinjōš* ~ *panjōš* ‘пятьдесят’ – орм. лог. Е *panzāxtu*, М *panjāstu*, кан. Е *panzāstu* ‘пятьдесят’.

Праформа **pančāśat(a)-*, соответствует по ударению греч. *πεντήκοντα*, а не др.-инд. *pañcāśāt*, в последней, как полагает В. А. Дыбо, произошло выравнивание ударения по примеру других десятков [6; 7]. В парачи заимствование из персидского.

24. Афг. *špetə* ‘шестьдесят’ – орм. лог. Е *xóχtu*, М *šúštu*, кан. Е *šwéštu* ~ *šwištu*, М *šwaištī*; парачи ЕМ *šast* ‘шестьдесят’.

Праформа **xšwayští-*, ср. др.-инд. *ṣaṣṭí* ‘шестьдесят’. В парачи и ормури произошла оттяжка ударения на первый слог под влиянием других числительных, на что указывает также замена конечного **i* на *u*.

25. Афг. *awuā* ~ *ōwuā*, *ōwiā* ‘семьдесят’ – орм. лог. Е *awāy*, М *awāitu*, кан. Е *awāy*, М *awāi* ‘семьдесят’.

Праформа **haptātí* (с растяжением второго слога по аналогии с **aštāti-* ‘восемьдесят’), ср. др.-инд. *saptatí-* ‘семьдесят’. И в пушту, и в ормури происходит переход ударения на предпоследний слог в трехсложной форме [9], но окситонеза как таковая сохраняется [11]; форма лог. М *awāitu* возникла под влиянием других числительных, обозначающих десятки [13]. В парачи слово образуется другим образом.

26. Афг. *atyā* ‘восемьдесят’ – орм. лог. Е *axtāy*, кан. Е *aštāy*, М *haštāi* ‘восемьдесят’.

Праформа **aštātí-*; ср. др.-инд. *aśītí-* ‘восемьдесят’. Иранская форма перестроена под влиянием числительного **aštā-* ‘восемь’. Развитие аналогично тому, что наблюдается в числительном ‘70’. В парачи образовано другим образом.

27. афг. *nwí*, *niwí* ~ *nawə́*, *nəwí* ‘девяносто’ – орм. лог. Е *nawí*, М *niwē*, кан. М *nawī* ‘девяносто’.

Праформа **navatí-*, ср. др.-инд. *navatí-* ‘девяносто’. Закономерный переход ударения на предпоследний слог **navatí-* > **naváti-* [9].

Можно видеть, что в парачи и ормури сохранились только отдельные следы окситонезы в именах, но числительные дают больший процент совпадений с первоначальным местом ударения.

Имена с суффиксом **-ka-*, Barytona.

По правилу контрастной акцентовки баритонированные имена с суффиксом **-ka-* образованы от основ с окситонезой.

1. Афг. *ōzay* ‘плечевая кость’ – орм. М *bazar* ~ *bizar* ‘рука (от локтя до запястья)’.

Праформа для афг. *ōzay* – **bāžuka-* < **bāžu-*. Индоиранское ударение устанавливается первоначально по др.-инд. *bāhuka-* ‘плывущий (руками)’, ударение засвидетельствовано у Панини: 4, 4, 7 [6; 7], производному от др.-инд. *bāhú-* ‘рука’. Впрочем, это один из случаев несогласования ударения между древнеиндийским и греческим, ср. греч. *πῆχυς* ‘локоть; рука; предплечье’, но для праиндоиранского исходная окситонеза производящей основы выглядит бесспорной. Этимологическое соответствие из ормури восходит к **bāžura-*, как и афг. *wazár-* ‘крыло; плечо’ с неясными искажениями или контаминацией с другой основой (возможно, **wazaθra-* от корня **waz-* ‘летать’ < ‘ехать, везти’). Место ударения в ормури, так или иначе, точно не засвидетельствовано.

Пар. Е *bāz* ~ *bāzú*, М *bāzū* ‘рука (от локтя до плеча), плечо’ – заимствование из персидского [11].

2. афг. *zmay* ‘зима’ ~ орм. кан. *zímak*, лог. *zómok* ‘зима’ ~ парачи Е *zéma* (вариант *zetá*) ‘зима’.

Праир. **zíma-* при производящем **zimá-*, ср. авест. *zəta-* ‘зимняя буря’, др.-инд. *himá-* ‘холодный; зима’. Возможно, рассматриваемые формы появились в

результате прохождения через стадию с метатезой **zamika-*, особенно явно это видно по слову в парачи, где гласный *e* является результатом умлаута, ср. *ger* ‘камень’ < **gari-*.

Одно из наиболее убедительных соответствий между всеми тремя языками, точно указывающее на баритонезу. Вариант конечнослогового ударения в парачи, безусловно, вторичен (в этом отношении показательно, что В. А. Ефимов регистрирует только *zéta* для пачаганского и шутульского диалектов).

3. афг. *máray* ‘труп, мертвец’ – формы причастия глагола *mr-* ‘умирать’ в ормури: кан. E *múlluk* ~ *múluk*, f. *malk*, лог. E *mólluk* ~ *mólok*; парачи M *múrō*, E *móru* ‘мертвый’; M *múrda*, E *morda* ‘покойник’.

Сравниваемые формы так или иначе продолжают праформу **mr̥taka-* < **mr̥tá-*, в древнеиндийском соответствиями являются *mr̥tá-* ‘мертвый’ и *mr̥taka-* ‘умерший, труп’ с незасвидетельствованным ударением. В парачи M *múrda*, E *morda* ‘покойник’ заимствовано из персидского, но ударение, вероятно, под влиянием исконного M *múrō*, E *móru* ‘мертвый’ (то же можно сказать и про вариант с *r*, отмеченный Г. Моргенштерне).

В индоевропейской перспективе есть указания на существование то ли другого варианта ударения, то ли параллельной баритонированной основы **mr̥tá-* со значением ‘убийство’, ср. прагерм. *múrpa-* ‘убийство’ (др.-англ. *morð*, др.-в.-нем. *mord* ‘убийство’) < **mr̥to-* (Orel 2003: 277; Kroonen 2013: 378). С сомнением сюда же можно отнести греч. *βρότος* ‘кровь из раны, запекшаяся кровь’, в отношении семантики можно сравнить лат. *crucor* ‘кровь (вытекшая из раны); кровопролитие, убийство; кровь, капли крови’ (OLD: 462). Др.-инд. *mr̥tá-* п. ‘смерть’ указывает при этом на окситонезу, но в данном случае это ударение в древнеиндийском может быть вторичным под влиянием причастия *mr̥tá-*.

4. Афг. *təžay*, ванечи *təřža* ‘томимый жаждой, жаждущий’ – в ормури формы причастий E *tatak*, f. *totk*, M *tōtk*; лог. E *trónok*, кан. E *trának*, лог. M *trúnuk*, кан. M *tranak*; парачи E *t’an*, M *thân* ‘испытывающий жажду, желающий пить; жажда’, также M *tána*, *tan* ‘испытывающий жажду’.

В. А. Дыбо реконструирует **tr̥suka-* < **tr̥sú-*, индоевропейские соответствия, указывающие на место ударения, – др.-инд. *tr̥sú-* ‘жадный, жаждущий’; прагерм. **purzu-* < **pursú-* (др.-в.-нем. *durri*, др.-сакс. *thurri*, др.-англ. *pyrre* «с перестройкой *u-* основы в основу на *-ja-*») [6; 7]. Наиболее близкое к *təžay* образование – безусловно,

орм. *tatak* < **tr̥ṣṭaka-*, однако ударение не засвидетельствовано. Косвенным свидетельством в пользу ударения *tátak* могут служить близкие по форме и значению прилагательные лог. *trónok*, кан. *trának* ‘испытывающий жажду, желающий пить’, восходящие к **tr̥ṣṇaka-* или **tárṣṇaka-* с дальнейшим видоизменением под влиянием глагола *tr-* ‘пить’ или ранней метатезой. Для праиранского причастия **tr̥ṣṭaka-* закономерным будет баритонное ударение, ср. др.-инд. прич. *tr̥ṣṭá-* при глаголе *tr̥ṣyati* ‘испытывает жажду’. Форма парачи *tána*, как кажется, тоже указывает на **tr̥ṣṇaka-* или **tárṣṇaka-* при E *t‘an*, M *than* < **tárṣṇā-* ‘жажда’ (в древнеиндийском *tr̥ṣṇā-* ‘жажда’, в авестийском – *tarṣṇa-* ‘жажда’).

5. афг. *žəway* ‘живой’ – прямого соответствия нет, в парачи E *jánō*, *jánu*, M *jánō* ‘живой’.

При том, что афг. *žəway* восходит к **jīwaka-* < **jīwá-* (ср. др.-инд. *jīvá-* ‘живой, живущий; животворный’), праформа для парачи – **j(i)wāntaka(hya)-*. Место первоначального ударения в парачи теоретически могло быть на втором слоге, тогда это баритонеза **j(i)wān(t)aka-*.

6. афг. *stōray* ‘звезда’ – орм. лог. E *stešák*, кан. M *stirrak* ‘звезда’; парачи E *estēc* ~ *éstēc*, M *estēc* ‘звезда’.

Для пушту устанавливается праформа **stāraka-*, имеющая точную древнеиндийскую параллель *tāraka-* ‘звезда’. Форма в парачи восходит к **stār-či-*, а формы ормури – к **stār-či-kā*. Таким образом, окситонеза в ормури не противостоит баритонезе, засвидетельствованной в афганском, а получена по правилу контрастного ударения от **stār-či-*.

В. А. Дыбо отметил большое количество афганских производных имен, но данный список можно расширить. Вот лишь некоторые примеры, в которых прослеживаются этимологические связи между основами афганского, ормури и парачи.

7. Афг. *wážay*, ванечи *wážay* ‘колос; гроздь’ – парачи M *uṛa* ‘колос’ [8].

Праформа **áwšaka-* ‘колос’. Можно предполагать, что данная основа связана с праир. *awš-* : *uš-* ‘ухо’ или названием для овса и других злаков, ср. лит. *avižā* ‘овсы’, праслав. **ovьsъ* ‘овес’, лат. *auēna* ‘овес’ [8]. И та, и другая этимология предполагают производность по отношению к изначально окситонированному или с подвижным ударением имени (ср. лит. *ausis* 4 ‘ухо’). Место ударения в парачи не отмечено.

8. Афг. *wəžay*, ванечи *wəřža* ‘голодный’ – парачи *yūrča* ‘голодный’ [10].

Праформа **wr̥šaka-*; в западноиранских языках распространен вариант **wr̥šnaka-* (Klingenschmitt 2000: 208; Cathcart 2019: 13). В парачи ударение совпадает с афганским.

9. Афг. *wárɣay* ‘почка’ – орм. кан. *ɣulkák* ‘почка’ [10].

Праформа **wr̥tkaka-* с контрастной баритонезой, ср. др.-инд. *vr̥kká*, авест. *varəδka-* ‘почка’, по всей видимости, от глагола **wert-* ‘поворачивать’ [14]. Ормури указывает на окситонезу **wr̥tkaká-* или же это поздний вторичный суффикс, присоединявшийся к основе с конечным ударением **wr̥tká-*.

Тип В. Здесь следует особо отметить, поскольку В. А. Дыбо не комментирует этот аспект, а он важен для сопоставления между собой фактов пушту, ормури и парачи, что в афганском и при окситонезе происходит перенос ударения на предпоследний слог с дальнейшим усечением последнего слога **-ka* до *-y*. Похожие процессы наблюдаются также в парачи и ормури.

1. Афг. *mraɣáy* ‘раб, невольник’ – орм. кан. *mrik* ‘раб, невольник, слуга’.

Оба слова восходят к **maryaká* < **márya-*, ср. др.-инд. *márya-* ‘молодой мужчина; жених; молодой женатый мужчина’, авест. *mairiia* ‘мужчина (дэвовское слово); лжец; негодяй, подлец’ и др.-инд. *maryaká-* ‘человечек’. Среди иранских соответствий стоит отметить др.-перс. *marīka* ‘человек из свиты, подданный’, ср.-перс. *mylk* /*mērag*/ ‘молодой человек, состоявшийся в обществе; муж’, бактр. *μαρηγο* [*marēg/γ*] ‘раб, слуга’ [8].

По всей видимости, данная основа в ормури претерпела следующие изменения: **maryaká-* > **marīká-* > **mərīká-* > **mərīk* > *mrik*. Переход ударения с третьего на второй слог с дальнейшим усечением последнего слога в основах на **-ka* стандартен для ормури (как и для парачи), но старое место ударения все равно надежно устанавливается благодаря синкопе первого слога.

Безусловно, подобное безупречное совпадение по форме и значению между ормури и афганским может заставлять подозревать древнее заимствование из афганского в ормури, но в свете всех имеющихся данных по многочисленным схождениям между языками это скорее древняя изоглосса, поддерживаемая важным бактрийским соответствием с аналогичным значением.

2. афг. *nwasáy* ‘внук’ – парачи Е *nawā* ‘внук’.

В. А. Дыбо реконструирует **naptraká-*, но Д. И. Эдельман отмечает, что более вероятна реконструкция **napā(t)saká-*, в ее формулировке – «ном. **napāts* > **napās* с

наращением суффикса **-aka*» [8]. Относительно пар. *nawá'* Г. Моргенштерне полагает, что это прямое продолжение праформы **nápāt-*, но более убедительно эта форма объясняется как отражение **napātaká-* или *napā(t)saká-*, соответственно, слова афганского и парачи могут быть продолжением одной праформы.

Парачи *net* ‘внучка’ является примечательным словом, отражающим древнее имя **naptí-* или **naptī*, ср. др.-инд. *naptí-*, авест. *naptī*; в других средне- и новоиранских языках его прямое продолжение не сохранилось.

Засвидетельствованные в ормури формы *nwasáy* и *nasáy* ‘внук’ явно заимствованы из пушту [13].

3. афг. *wráy* ‘ягненок’, f. *wráy* – парачи М *yarō* ‘ягненок, овца’, род. п. *yarwika* < **waraká-*.

Окситонеза **waraká-* образована по правилу контрастного ударения от вед. *úran-*, *úraṇa-* ‘ягненок’ и продолжает более раннее **warṇká-* (Hoffmann 1992: 791-792). Производное в парачи М *mogoṛūk* ‘овца’ [13] указывает на однозначное происхождение от основы с суффиксом **-ka*.

4. афг. *axsáy* ‘шурин, зять’ – орм. *xōšāi* ‘свекор’, орм. лог. М *xusúr*, кан. М *xsir*; парачи М *xásur* ~ *xasúr* ‘свекор’.

Праформой для пушту должна служить **(ā)-hwaśruká-* или **(ā)-hwaśuryaká-* при производящей основе **hwaśura-*, ср. др.-инд. *śváśura-* ‘свекор’, герм. **swéhuraz* ‘свекор’ (др.-в.-нем. *swehur*, др.-англ. *sweor*). Формы ормури и парачи являются заимствованиями, хотя и приведены в «Этимологическом словаре иранских языков» как исконные.

5. Афг. *zyaráy* ‘желтый, бледный’, *zēráy* ‘желтуха’ – парачи Е *zīta*, М *zītō* ~ *zītu* ~ *zīta* ‘желтый’.

Праформа **zaritaká-*, образованная от уже обсуждавшейся выше **zárita-*. В парачи *zīta* является прямым продолжением **zárita-* и, вероятно, влияет на ударение *zītō* < **zaritaka(hya)-*.

Следует отметить, что и список окситонированных основ также может быть расширен, вот один пример:

6. Афг. *məžáy* ‘муравей’ – орм. кан. Е *marcōi*, М *marcōi* ‘муравей’; парачи М *mīčō* [8].

В статье В. А. Дыбо данное слово не рассматривается, вероятно, в связи с тем, что этимология затемняется вторичным г-. Праформа **marwičaká-*, ударение

производящей основы проследить проблематично: др.-инд. *vamrá-* ‘муравей’ с метатезой [14], при этом греч. *μύρμαξ* ‘муравей’ указывает на баритонезу.

В ормури и парачи есть также некоторое количество производных основ на **-ka*, указывающих на окситонезу, но не имеющих афганских соответствий. Например, можно отметить такие случаи:

Орм. лог. Е *wok*, кан. *wak* ‘вода’ < **āwáka-* < **āpáka-*, производящее **āpa-*, ср. др.-инд. *āpa-* ‘вода’ наряду с корневым именем *áp-*;

Орм. *daská* ‘шерстяная нить’ < ‘скрученная из десяти нитей’ < праир. **daśaka-* ‘десятка’ < **dásá-* ‘десять’ и т. д. [11].

Приведенные данные показывают, что в парачи и ормури акцентуация имен на **-aka* сохранилась еще лучше, чем акцентуация непроемных основ.

2.3. Глаголы

Глаголы в ормури обнаруживают различие в акцентуации между окситонированными и баритонированными основами, рассмотренное специально в работе [11]. Следует отметить, что этимологических соответствий между афганским, ормури и парачи относительно немного. Далее будут рассмотрены только некоторые случаи – вопрос требует отдельного рассмотрения.

Баритонеза

1. Афг. *wúzi*, инф. *watəl* ‘выходит, выступает’ < **vázāi* < *váza ti* – орм. лог. Е *yóz-*, М *yūz-*, кан. Е *y^wáz-*, М *y^waz-* ‘падать’.

Праформа **wázati*, ср. др.-инд. *váhati* I ‘везет, переправляет, ведет, приносит’.

2. Афг. *žári*, инф. *žārəl* ‘плачет’ < **žárāi* < **žára ti* – парачи *jar-*, основа прош. вр. *jarí-* ‘говорить’, аор. 1 л. ед. ч. *jarém*, 3 л. ед. ч. прош. вр. *jarí* ~ *járí*.

В. А. Дыбо сравнивал афганские формы с др.-инд. *járata* ‘звучит, кричит, зовет’. Дж. Ченг относит данный глагол с вопросом к корню **gard-*, что правдоподобно ввиду ретрофлексного *r* [9], хотя его происхождение можно искать в претеритальной основе [10]. В парачи ударение неясно, но отчетливо тяготеет к окситонезе. Таким образом, при общем происхождении глаголы пушту и парачи демонстрируют несоответствие в акцентровке.

3. Афг. *árwi* ~ *áwri*, инф. *awredəl* ‘слышит’ < **árwāi* < **hárwa ti* – парачи *harw-*: *harwí* ‘слышать’, 1 л. ед. ч. аор. *hárwem* ~ *harwém*.

Авест. *hauruuati* ‘заботится, охраняет’. В парачи наблюдается колебание в ударении презентной основы. Интересно, что в тексте, записанном Г. Моргенштерне, отмечена форма *hárwē* ‘слышал’. Не исключено, что изначально является именно баритонеза. Важная изоглосса между авестийским, афганским и парачи [8].

4. Афг. *wəli*, инф. *wištəl* ‘бросает, ударяет, стреляет, поражает’ < **wəlāi* < **wíδ’ya’ti* – парачи Е *yošt*, М *yuh-* : *yūšt-* ‘бросать; класть, помещать’, 1 л. ед. ч. аор. *yuhém*.

Др.-инд. *vídhyati* ‘прокалывает, попадает, ранит, вредит’. В парачи незакономерная окситонеза.

Таким образом, между афганским и ормури и / или парачи прослеживается только одно надежное этимологическое соответствие с одинаковой акцентуацией: афг. *wúzi*, инф. *watəl* ‘выходит, выступает’ – орм. лог. Е *yóz-*, М *yūz-*, кан. Е *yʷáz-*, М *yʷaz-* ‘падать’.

При этом как в ормури, так и в парачи засвидетельствованы баритонированные основы иранского происхождения, например, орм. лог. кан. Е *zán-* ‘бить’, парачи *jánem* ‘бить’ < **jánäi* < **jánati*; парачи Е *yáf-* ‘ткать’ < **wáfati* [11].

Окситонеза

1. афг. *ždi*, инф. *kše-ždəl*, *kše-šowəl* < **əždī* < **ərzāi* < **hərzá’ti* ‘кладет’ – орм. лог. Е *g-’* ‘класть’, кан. Е *ž-’* ‘оставлять’.

Основы презенса являются окситонированными как в афганском, так и в ормури и представляют отличную параллель. Причастия в ормури имеют ожидаемую баритонную акцентовку по контрасту: лог. Е *wótok*, М *wútuk*, кан. ЕМ *hatak* < **hr̥žtaka-* < **hr̥žtá-*.

Др.-инд. *srjáti* VI ‘освобождает, отпускает; позволяет, бросает; льет, проливает’.

2. афг. *wrí*, инф. *wrəl* ‘несет, уносит, переносит’ – орм. лог. кан. ЕМ *war-*, претеритальная основа лог. Е *wólok*, М *wūluk*, кан. Е *wúlak*, М *w^olak*; парачи *bar-*: *bor-* ‘нести’, аор. 1 л. ед. ч. Е *barēm*.

По мнению В. А. Дыбо, афганские данные указывают на перестройку атематической парадигмы типа др.-инд. 3 л. ед. ч. *bhárti*, 3 л. мн. ч. *bhránti* ‘нести’ с появлением вторичной нулевой ступени. Пушту и ормури показывают несовпадение

основ: орм. *wag-* восходит к **ā-bar-*, по всей видимости, с акцентуацией **ā-bárati*, свойственной для тематической основы I класса.

Парачи *bar-* / *boṛ-* также отражает, вопреки [11] колебание между баритонезой и окситонезой. Не исключено, что в истории и этого языка происходила борьба тематического и атематического типов, то есть **bárati* ~ **bárti*.

3. Афг. *kāñéy* ‘делает’ (2 pl. impreg. от *kawəl* ‘делать’) – парачи *kan-* ‘делать’, ср. аор. 1 л. ед. ч. *kaném*.

Основа может быть сопоставлена с др.-инд. *kr̥nóti* ‘делает’.

4. Афг. *kawí*, инф. *kawəl* ‘делает, создает, творит’ < **karwāi* < **karvāti* – орм. лог. Е *k-* ‘делать’, кан. Е *k-* ‘делать’, *kaw-* ‘делать’, *kay-* ‘делать’.

Возможно, соотносится с локальным др.-инд. *karóti* (AV) ‘делает’.

5. Афг. *larí*, инф. *larəl* ‘имеет, владеет; хранит, сохраняет’ < *larāi* < **daráyati* или **dāráyati* – орм. лог. кан. ЕМ *dar-* ‘иметь’, 1 л. ед. ч. аор. М *darīm* ‘имею’; парачи Е *dēr-* ‘иметь’, 1 л. ед. ч. аор. Е *dērem*.

Праформа **dāráyati* подтверждается др.-инд. *dhāráyati* ‘держит, несет, сохраняет’. В парачи форма *dērem* < **dārayami* с вторичной баритонезой.

6. афг. *lwaní*, инф. *lustəl* ‘сыплет, рассыпает, посыпает; брызгает, разбрызгивает; опрыскивает’ < **dwanāi* < **dwanáyati* – орм. лог. кан. ЕМ *ban-* ‘1 л. ед. ч. аор. М *banīm*.

Сравнивается с авест. *dwānáyati* ‘взлетать вверх’, возможно, с др.-инд. *dhvaṃsáyati* ‘сыплет, рассыпает, разбрасывает, рассеивает’ и др.-инд. *dhvasáyati* ‘брызгает, прыскает, моросит’ [6; 7].

В ормури безударная основа IV класса, соответственно, продолжает окситонезу.

Данное сближение между ормури и афганским имеет дополнительное значение для уточнения места парачи и ормури среди иранских языков: надежные продолжения основы **dwan-* встречаются только в восточноиранских языках [8]. Кроме, того, как отмечает В. А. Дыбо, только в афганском, ормури и, возможно, хотано-сакском наблюдается рефлекс краткого *a* [6; 7].

Наконец, только три бесприставочных глагола в афганском относятся В. А. Дыбо к типу с подвижным ударением [6; 7]. Один из них имеет соответствие в ормури и парачи.

Афг. *léži*, инф. *lažəl*, *lašəl* ‘грузит; посылает, отсылает, отправляет, направляет’, но ср. *aw leží ye* ‘и отправляет его’, *aw leží mi* ‘и отправляет меня’ < **lēžāi* < **lēžāi* < **darzáyati* – орм. кан. Е *daž-*, М *daž-yek* ‘грузить’, парачи Е *derz-*, 1 л. ед. ч. аор. *derzém*, 1 л. ед. ч. прош. вр. *derzīm* ‘погружать на спину’.

Первоначальное место ударения наблюдается в древнеиндийском и других индоевропейских языках не засвидетельствовано.

3. Результаты и выводы

После данного обзора можно констатировать, что в целом акцентуационные системы пушту, ормури и парачи определенно указывают на идентичность акцентуации. Несовпадения между ормури и парачи и афганским встречаются (наиболее системный случай – переход двусложных имен в баритонезу из окситонезы), но в целом система акцентуации идентична.

Данное обстоятельство позволяет упрочить вывод о генетическом положении ормури и парачи среди иранских языков. Безусловно, сам по себе факт сохранения в этих языках разноместного ударения ведийского типа, хотя и менее последовательного, чем в афганском, не может быть свидетельством в пользу генетической классификации, потому что является архаизмом, а не общей инновацией. Но сохранение осколков подобной акцентуационной системы разводит ормури и парачи с западными иранскими языками, утратившими ее на самом раннем этапе, и помещает в ряд восточноиранских языков, также в разной степени сохраняющих ее следы, а именно пушту, мунджанский и йидга, ваханский. Если учесть тот факт, что именно с этими же языками у ормури и парачи имеются многочисленные лексические и морфологические изоглоссы, можно считать сходжение парачи и ормури с афганским дополнительным аргументом в пользу их восточноиранского происхождения.

Список использованных источников

1. Meillet A. La déclinaison et l'accent d'intensité en perse / A. Meillet // Journal asiatique. – 1900. – Vol. 15. – P. 254-277.
2. Gauthiot R. De l'accent d'intensité iranien / R. Gauthiot // Memoire de la société de linguistique de Paris. – 1918. – Vol. 20. – № 1. – P. 1-25.
3. Kuryłowicz J. L'accentuation des langues indo-européennes / J. Kuryłowicz. – Wrocław: Zakład Narodowy Imienia Ossolińskich, Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1958.
4. Tedesco P. Ostiranische Nominalflexion / P. Tedesco // Zeitschrift für Indologie und Iranistik. – 1926. – Vol. 2. – № 4. – P. 94-166.
5. Morgenstierne G. Archaisms and innovations in Pashto morphology / G. Morgenstierne // Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. – 1942. – Vol. 12. – P. 88-114.
6. Dybo V.A. Afganskoe udarenie i ego znachenie dlja indoevropskoj i baltoslavjanskoj akcentologii. I. Imennaja akcentuacija / V.A. Dybo // Baltoslavjanskie issledovanija. – 1974. – Vol. 1. – P. 67-105.
7. Dybo V.A. Afganskoe udarenie i ego znachenie dlja indoevropskoj i baltoslavjanskoj akcentologii. II. Glagol'naja akcentuacija / V.A. Dybo // Slavjanskij i balkanskij fol'klor. Prosodija: Sbornik statej / ed. N.I. Tolstoj. – Moscow: Nauka, 1989.
8. Rastorgueva V.S. Ètimologičeskij slovar' iranskix jazykov [Etymological dictionary of the Iranian languages]. EDIL / V.S. Rastorgueva, J.I. Edelman. – Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000.
9. Cheung J. Etymological dictionary of the Iranian verb / J. Cheung. – Johnny: Brill, 2007.
10. Morgenstierne G. A new etymological vocabulary of Pashto. NEVP / G. Morgenstierne; eds. J. Elfenbein, D.N. MacKenzie, N. Sims-Williams. – Wiesbaden: Reichert, 2003.
11. Efimov V.A. Jazyk parachi / V.A. Efimov. – Moscow: Vostochnaja literatura, 2009.
12. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch : в 2 vols. / J. Pokorny. – Bern, Munich: A. Francke, 1959. – Vol. 1-2.
13. Morgenstierne G. Indo-Iranian Frontier Languages. Vol. 1: Parachi and Ormuri / G. Morgenstierne. – Oslo: Institut for Sammenlignende Kulturforskning, 1929.

14. Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen : в 3 vols. EWAia / М. Mayrhofer. – Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 1992–(дата обращения: 2001). – Vol. 1-3.
15. Beekes R.S.P. Etymological dictionary of Greek : Leiden Indo-European etymological dictionary series / R.S.P. Beekes. – Leiden: Brill, 2010. – 10/1–2. – 1808 p.

В СЕРИИ ПРЕПРИНТОВ
РАНХиГС РАССМАТРИВАЮТСЯ
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К СОЗДАНИЮ, АКТИВНОМУ
ИСПОЛЬЗОВАНИЮ
ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИННОВАЦИЙ В РАЗЛИЧНЫХ
СФЕРАХ ЭКОНОМИКИ
КАК КЛЮЧЕВОГО УСЛОВИЯ
ЭФФЕКТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ